

В. БОНЧ-БРУЕВИЧ,

*председатель Комитета
по борьбе с погромами и контрреволюцией*

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН В ПЕРВЫЕ ДНИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Вот он, первый день Октябрьской революции... Город в волнении... Все чего-то ждут... Смольный кипит народом... Здесь расположился главный штаб большевиков — Военно-революционный комитет. Тут же находился и Владимир Ильич; он приветливо здоровался с проходящими, расспрашивал их о всех событиях дня и более всего о том, что делается там, у Зимнего дворца и на подступах к нему.

Весть о том, что Владимир Ильич в Смольном, быстро разнеслась среди большевиков. Многие хотели его видеть и приходили сюда. В соседнюю комнату стали заглядывать и посторонние. Особенно настойчиво в нее стремились попасть корреспонденты различных газет, в том числе и иностранных, заметившие, очевидно, что именно сюда идет много народа, что здесь действует руководящий центр восстания. Стали заглядывать меньшевики, эсеры и другие нежелательные лица.

Нужно было ввести надежную охрану. В комнате Красной гвардии находилось более пятисот вооруженных самых преданных рабочих. Это были красногвардейцы, в большинстве своем выборжцы.

Для охраны решено было отобрать человек семьдесят пять особо надежных. Молодой, лет тридцати, красавец рабочий, с вьющимися из-под шапки кудрями спокойно отдает команду: «Стройся!». Мгновенно все на местах.

Тишина: ни шороха, ни звука. У дверей замерли часовые. Когда командир сообщил, что нужны семьдесят пять человек, готовых на всё, даже на смерть, чтобы выполнить приказ, весь отряд сделал шаг вперед и замер. Командир отобрал людей, назначил начальника и двух человек на смену ему. «В случае чего...» — хмуро заметил он и умолк.

Сейчас же заготовили пропуска. Пропуск № 1 выдали Владимиру Ильичу.

— Что это? Пропуска? Зачем? — спросил Владимир Ильич.

— Необходимо. На всякий случай... Уже создана охрана Смольного. Прошу взглянуть...

Владимир Ильич выглянул в дверь и увидел отряд, стоявший в безукоризненном военном строю.

— Какие молодцы! Приятно смотреть! — восхищенно сказал Владимир Ильич.

Часовые встали снаружи и внутри комнаты у входной двери. Начальник сейчас же установил связь с центральным отрядом.

Народ всё прибывал и прибывал.

В 2 часа 35 минут дня открылось заседание Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Нельзя сказать — гром, а нечто большее, воистину потрясающее, — вихрь человеческих чувств пронесся по залу, когда Владимир Ильич появился на трибуне. Он начал свою речь словами: «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась...» Бурно и пламенно проходило это историческое заседание Петроградского Совета.

Владимир Ильич был очень взволнован тем, что осада Зимнего дворца затягивается.

Гвардейскому Павловскому полку, присоединившемуся к революционным войскам, был отдан приказ занять улицы, прилегающие к Зимнему. Полк залег около самого дворца.

Когда подошли матросы, они сразу сориентировались в обстановке, не останавливаясь, быстрыми перебежками пересекли Дворцовую площадь и накопились на подступах к Зимнему дворцу, увлекая за собой солдат Павловского полка и красногвардейцев. Затем они сильным ударом раскрыли огромные двери дворца и ворвались во внутренние помещения. Их встретили юнкера, не имев-

шие ни боевой подготовки, ни надлежащего руководства, но тем не менее оказавшие упорное сопротивление, защищая сидевших в одном из залов дворца членов Временного правительства. Женский батальон после краткой агитационной речи матроса Железнякова сложил оружие и целиком перешел на сторону восставших.

Пришвартовался крейсер «Аврора». Ему за несколько дней до атаки Зимнего дано было распоряжение главнокомандующим большевистскими силами повернуть орудия в сторону дворца. Такое же приказание получила и Петропавловская крепость, с верков которой поздно вечером, почти одновременно с «Авророй», раздались выстрелы по Зимнему дворцу. Осажденные поняли, что в одно мгновение они могут быть сметены с лица земли. Матросы, а также другие большевистские части быстро растекались по Зимнему дворцу и заняли его главнейшие пункты, лестницы, выходы и подступы. В ночь с 25 на 26 октября в 2 часа 10 минут Временное правительство было арестовано и препровождено под караулом в Петропавловскую крепость. Керенский тайным ходом вышел из Зимнего дворца и позорно бежал в автомобиле американского посольства. Через три дня он появился в Царском Селе, где напрасно пытался поднять восстание среди казачков и пехоты и двинуть их на Петроград через Пулковские высоты.

Скорым военным шагом по коридору торопится солдат-самокатчик, одетый в черную кожаную куртку и такие же шаровары. Через плечо у него дорожная сумка, которую он придерживает левой рукой.

— Где штаб Военно-революционного комитета? — обращается он к стоящим на часах у дверей двум красногвардейцам.

— А тебе кого?

— Ленина! Донесение...

Часовой оборачивается к двери и говорит товарищу:

— Так что требуется разводящий... Прибыл курьер. Без пропуска... В штаб... Требуется Ленина...

Вышел разводящий. Опросил, откуда и от кого курьер.

— Из Зимнего дворца... От главнокомандующего Подвойского.

— Идем...

— Донесение! — говорит самокатчик, входя в дверь соседней комнаты. — Требуется Ленин.

Владимир Ильич подходит.

— Что скажете, товарищ?

— Вы и есть Ленин? — смотря с любопытством на Владимира Ильича, говорит самокатчик. Глаза его радостно поблескивают. Он быстро отстегивает клапан у сумки, достает листок бумаги, бережно передает его Владимиру Ильичу, беря под козырек, и кратко рапортует:

— Донесение!

— Благодарю, товарищ, — говорит Владимир Ильич и протягивает руку самокатчику. Тот смущен, схватывает руку Владимира Ильича обеими руками, пожимает, встряхивает, улыбается. Берет под козырек, резко, повоенному, поворачивается кругом и бодрым шагом, на ходу кладя в сумку клочок бумаги, на котором расписался Владимир Ильич в получении, уходит из помещения.

— Зимний дворец взят. Временное правительство арестовано. Отвезено в Петропавловку. Керенский бежал! — вслух быстро читает Владимир Ильич... И только дочитал, как раздалось «ура», мощно подхваченное красногвардейцами в соседней комнате.

— Ура! — неслось повсюду.

Часа в четыре ночи мы, утомленные, но возбужденные, стали расходиться из Смольного. Я предложил Владимиру Ильичу поехать ко мне ночевать. Заранее позвонив в Рождественский район, я поручил боевой дружине проверить разведкой улицы, прилегающие к Херсонской. Мы вышли из Смольного. Город был не освещен. Найдя автомобиль на условленном месте, мы двинулись ко мне домой.

Владимир Ильич, видимо, очень устал и подремывал в автомобиле. Приехав, поужинали кое-чем. Я постарался предоставить всё для отдыха Владимира Ильича. Еле уговорил его занять мою кровать в отдельной небольшой комнате, где к его услугам были письменный стол, бумага, чернила и библиотека. Владимир Ильич согласился, и мы разошлись.

Я лег в соседней комнате на диване и твердо решил заснуть только тогда, когда вполне удостоверюсь, что Владимир Ильич уже спит.

Я запер входные двери на все цепочки, крючки и замки, привел в боевую готовность револьверы и поду-

мал: «Ведь могут вломиться, арестовать, убить Владимира Ильича; всего можно ожидать».

На всякий случай тотчас же записал на отдельную бумагу все известные мне телефоны нашего района и отдельных товарищей из Смольного, соседних районных рабочих комитетов и профсоюзов. «Чтобы впопыхах не перезабыть», — подумал я.

Наконец я потушил электрическую лампочку. Свет в комнате Владимира Ильича погас раньше. Начинаю дремать, и, когда вот-вот должен был заснуть, вдруг блеснул свет у Владимира Ильича.

Я насторожился. Слышу, почти бесшумно встал он с кровати, тихонько приоткрыл дверь ко мне и, удостоверившись, что я сплю, еле слышными шагами, на цыпочках, чтобы никого не разбудить, подошел к письменному столу. Сел за стол, открыл чернильницу и, опершись на локти, углубился в работу, разложив какие-то бумаги, тут же их прочитывая. Всё это мне видно было в приоткрытую дверь.

Владимир Ильич писал, перечеркивал, читал, делал выписки, опять писал и, наконец, видимо, стал переписывать начисто. Уже светало, стало сереть позднее петроградское осеннее утро, когда, наконец, Владимир Ильич потушил огонь и лег в постель. Забылся и я.

Утром я просил всех домашних соблюдать тишину, сказав, что Владимир Ильич работал всю ночь и, несомненно, крайне утомлен. Но вдруг открылась дверь, и он вышел из комнаты одетый, энергичный, свежий, бодрый, радостный.

— С первым днем социалистической революции! — поздравил он всех, и на его лице не было заметно никакой усталости, как будто он великолепно выспался, а на самом деле спал самое большее два-три часа после напряженного двадцатичасового трудового дня. Подошли товарищи. Когда собрались все пить чай и вышла Надежда Константиновна, ночевавшая у нас, Владимир Ильич вынул из кармана переписанные листки и прочел нам свой знаменитый «Декрет о земле».

— Вот только бы объявить его, широко опубликовать и распространить. Пускай попробуют тогда взять его назад! Нет, никакая власть не в состоянии отнять этот декрет у крестьян и вернуть земли помещикам. Это — важнейшее завоевание нашей революции. Аграрная

революция будет совершена и закреплена, — говорил Владимир Ильич.

Когда ему кто-то сказал, что на местах еще будет много всяких земельных неурядиц и борьбы, он тотчас же ответил, что всё это уже мелочь, всё остальное приложится, лишь бы поняли программу этого аграрного революционного переворота, прониклись бы ею и выполнили целиком и полностью на местах. Он стал подробно рассказывать, что этот декрет потому будет принят крестьянами, что в основу его положены требования наказов всех крестьянских съездов своим депутатам, посланным на съезд Советов.

— Да, но ведь это были требования эсеров, вот и скажут, что мы от них заимствуем, — заметил кто-то.

Владимир Ильич улыбнулся.

— Пускай скажут. Не всё ли нам равно! Крестьяне ясно поймут, что все их справедливые требования мы всегда поддержим. Мы должны вплотную подойти к крестьянам, к их жизни, к их желаниям. А если будут смеяться какие-либо дурачки, — пускай смеются. Монополию на крестьян мы эсерам никогда не собирались давать. Мы — правительственная партия, и вслед за диктатурой пролетариата крестьянский вопрос — важнейший вопрос.

Владимир Ильич хотел как можно скорей провозгласить на съезде этот декрет. Решили сейчас же перепечатать его на машинке в нескольких экземплярах и тотчас сдать в набор в наши газеты, чтобы завтра утром он был опубликован. После принятия декрета на съезде Советов — немедленно разослать по всем газетам страны с указанием напечатать в ближайшем номере.

Декрет о земле вскоре был разослан по всем петроградским редакциям с нарочными, а в другие города — по почте и телеграфу. Наши газеты заверстали его предварительно, и на утро декрет читали уже сотни тысяч и миллионы людей. Все трудящиеся принимали его с восторгом. Буржуазия шипела и огрызалась в своих газетах. Но никто на это не обращал внимания...

Владимир Ильич еще долгое время интересовался, сколько экземпляров декрета о земле распространено среди солдат, крестьян. Декрет о земле перепечатывали много раз книжечкой и бесплатно рассылали во множестве экземпляров не только в губернские и уездные города, но и во все волости России, и, пожалуй, ни один

закон не был опубликован у нас так широко, как закон о земле, которому Владимир Ильич придавал такое огромное значение.

— Когда раздаете демобилизованным декрет о земле, — сказал Владимир Ильич, — надо каждому хорошо объяснить его смысл и значение и не забывать говорить, что если помещики, купцы, кулаки еще сидят на захваченных землях, — обязательно гнать их и землю передавать в распоряжение крестьянских комитетов. Поставьте смышленного матроса, который смотрел бы, куда положит солдат декрет: надо, чтобы он положил его поглубже в сумку, под вещи, чтобы не утерять, а с десятков экземпляров держал бы поближе для чтения и раздачи в вагоне.

К февралю 1918 года в настроении масс чувствовалась усталость. С фронта брели громадные толпы солдат. Измученные, издерганные, стремились они домой, видя полный развал фронта, желая отдохнуть от кошмарной и изнурительной окопной жизни. В Петроград непрерывной чередой прибывали с фронта воинские части. Ндолго побыв в столице, они уходили всё дальше и дальше в глубь России. Вполне дисциплинированных полков и отрядов было среди них очень мало.

Из-за предательства Троцкого в период брест-литовских переговоров условия мира для России стали еще более тягостными. И всё же приходилось спешить с заключением мира. Специальная комиссия от РСФСР выехала в город Двинск, где должно было состояться окончательное подписание столь долгожданного мира. С часу на час ожидалась телеграмма, уведомляющая, что мир подписан (перемирие было подписано ранее).

И вдруг в Управление делами Совета Народных Комиссаров пришла срочная телеграмма, сообщавшая, что противник начал наступление на Петроград. Был взят город Псков. Немецкие части двигались дальше, на станцию Дно. Гарнизон города и станции Дно беспорядочно и без всякого сопротивления отступил; так же отступили и остатки полевых войск царской армии. Штабы откатились в глубокий тыл.

Величайшая опасность нависла над плохо защищенным Петроградом. Надо было действовать немедленно.

Узнав о полученной телеграмме, прервал свое

заседание Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, который заседал в одном из залов Смольного.

Не прошло и часа, как заводские гудки всколыхнули уже заснувший было Петроград.

Могуче и властно неся из края в край, расстилаясь в туманной дали, этот призывный гуд.

Рабочие быстро собрались к своим заводам. Депутаты Совета коротко сообщили о создавшемся положении, призывая рабочих к оружию. Красногвардейцы сейчас же организовались в рабочие батальоны. К ним присоединились все, кто имел хоть какое-нибудь оружие. Многие шли без оружия, рассчитывая получить его в Смольном. Во тьме, так как уличного освещения не было, шли и шли из всех районов бесконечной чередой десятки тысяч рабочих, направляясь к своему боевому центру — Смольному.

Ночью же о случившемся стало известно в Сестрорецке, на Пороховых, в Колпине, на Обуховском и в других окрестностях Петрограда, откуда к утру стали подходить отряды рабочей Красной гвардии.

Утром, часов в девять, 21 февраля Владимир Ильич вызвал меня звонком в свой кабинет в Совете Народных Комиссаров.

Владимир Ильич стоял у окна. Послышались звуки боевого марша.

Стройными колоннами, с развернутыми знаменами подходила десятитысячная дивизия сестрорецких рабочих. На них были короткие дубленые полушубки, отороченные белым мехом.

— Какая мощь! — воскликнул Владимир Ильич.

Дивизия выстроилась перед Смольным.

Пришли вольным, размашистым шагом батальоны матросов, прибывшие из Кронштадта. А дальше колыхались длинной чередой полки Красной гвардии рабочих, пехотные части гарнизона, расквартированные в Петрограде.

Владимир Ильич сел за стол и углубился в работу. Вскоре появилось знаменитое ленинское воззвание «Социалистическое отечество в опасности!».

Вот оно:

«Чтоб спасти изнуренную, истерзанную страну от новых военных испытаний, мы пошли на величайшую жертву и объявили немцам о нашем согласии подписать

их условия мира. Наши парламентарии 20(7) февраля вечером выехали из Режицы в Двинск, и до сих пор нет ответа. Немецкое правительство, очевидно, медлит с ответом. Оно явно не хочет мира. Выполняя поручение капиталистов всех стран, германский милитаризм хочет задушить русских и украинских рабочих и крестьян, вернуть земли помещикам, фабрики и заводы — банкирам, власть — монархии. Германские генералы хотят установить свой «порядок» в Петрограде и в Киеве. Социалистическая республика Советов находится в величайшей опасности. До того момента, как поднимется и победит пролетариат Германии, священным долгом рабочих и крестьян России является беззаветная защита республики Советов против полчищ буржуазно-империалистической Германии. Совет Народных Комиссаров постановляет:

1) Все силы и средства страны целиком предоставляются на дело революционной обороны.

2) Всем Советам и революционным организациям вменяется в обязанность защищать каждую позицию до последней капли крови.

3) Железнодорожные организации и связанные с ними Советы обязаны всеми силами воспрепятствовать врагу воспользоваться аппаратом путей сообщения; при отступлении уничтожать пути, взрывать и сжигать железнодорожные здания; весь подвижной состав — вагоны и паровозы — немедленно направлять на восток в глубь страны.

4) Все хлебные и вообще продовольственные запасы, а равно всякое ценное имущество, которым грозит опасность попасть в руки врага, должны подвергаться безусловному уничтожению; наблюдение за этим возлагается на местные Советы под личной ответственностью их председателей.

5) Рабочие и крестьяне Петрограда, Киева и всех городов, местечек, сел и деревень по линии нового фронта должны мобилизовать батальоны для рытья окопов под руководством военных специалистов.

6) В эти батальоны должны быть включены все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины, под надзором красногвардейцев; сопротивляющихся — расстреливать.

7) Все издания, противодействующие делу революционной обороны и становящиеся на сторону немецкой

буржуазии, а также стремящиеся использовать наше-
ствие империалистических полчищ, в целях свержения
Советской власти, закрываются; работоспособные редак-
торы и сотрудники этих изданий мобилизуются для
рытья окопов и других оборонительных работ.

8) Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, ху-
лиганы, контрреволюционные агитаторы, германские
шпионы расстреливаются на месте преступления.

Социалистическое отечество в опасности!

Да здравствует социалистическое отечество!

Да здравствует международная социалистическая
революция!»

Ленинское воззвание, напечатанное в сотнях тысяч
экземпляров, расклеивалось на стенах, раздавалось на-
роду, распространялось на вокзалах, в поездах, в казар-
мах, рассылалось во все города. Оно оказало огромное
организующее и мобилизующее влияние на трудящиеся
массы.

Вот типичная для тех дней сцена, свидетелем которой
мне довелось быть. Стройными рядами, в полной боевой
готовности, с развернутыми знаменами, с оркестром, со
всеми приданными ей частями боевым маршем шла
с Варшавского вокзала дивизия. Она направлялась
к Смольному, чтобы в целости и сохранности сдать ору-
жие, архив и кассу и в организованном порядке демоби-
лизироваться и отправиться по домам.

Показался автомобиль. Выскочивший из него молодой
рабочий подбежал с пачкой воззваний к головному от-
ряду дивизии.

— Воззвание Ленина! — крикнул он. — Немцы насту-
пают на Петроград! Социалистическое отечество в опас-
ности! — и рабочий стал раздавать направо и налево
печатные листки.

Комиссар дивизии быстро, на ходу, просмотрел ли-
сток, что-то сказал командиру, и вдруг раздалась четкая
команда:

— Дивизия, стой!

Дивизия быстро перестроила ряды, образовав каре
на площади Пяти углов. Кто-то выкатил из ближайшего
двора бочку, военный комиссар дивизии легко вскочил
на нее и громко провозгласил на всю площадь:

«Социалистическое отечество в опасности!».

Всё дрогнуло, насторожилось. На площади наступила мертвая тишина. Прохожие тоже остановились как вкопанные. Слово за словом, четко, ясно, с подъемом читал военный комиссар ленинское воззвание.

И вот он кончил.

— Ну, что же, товарищи, — вдруг сказал он громко, — идем в Смольный демобилизоваться?

— На фронт! — грянули тысячи голосов.

Быстро последовали команда за командой. Дивизия вновь выстроилась в боевом порядке и сейчас же по команде «кругом марш» повернула обратно. Грянул оркестр. Четко отбивая шаг, с развернутыми знаменами двинулась эта образцовая боевая воинская часть не в Смольный, чтобы сдать оружие и разойтись по домам, а туда, на фронт, в окопы.

Я подошел к комиссарам, отрекомендовался и предложил им проехать в Смольный в Главный штаб, чтобы получить военное задание.

Два военных комиссара вместе с командиром дивизии и одним из офицеров прибыли в Смольный и отапортовали Владимиру Ильичу, что приказание Совета Народных Комиссаров выполнено: дивизия, шедшая демобилизоваться, по единогласной воле всех бойцов повернула на фронт.

Владимир Ильич крепко пожал руки прибывшим военным.

Сейчас же по телефону было дано распоряжение на Варшавский вокзал предоставить эшелоны этой славной дивизии. Штаб дал задание. Дивизия спешно погрузилась и тотчас же выехала на фронт. Вместе с другими прибывшими туда частями она нанесла сокрушительный удар по немецким войскам, сорвав их наступление на станцию Дно. Энергично преследуемые по пятам, немцы оставили Псков и тотчас же согласились на мирные переговоры.

Это была серьезная победа красных войск над немецкими империалистическими полчищами, захотевшими молниеносным ударом завладеть Петроградом. Этот день вошел в историю как день рождения Красной Армии.

Круглые сутки без перерыва работал военный штаб, насыщая фронт всё новыми и новыми подкреплениями.

В течение дня 21 февраля несколько раз собирался Совнарком для обсуждения сложившегося положения.

Тут же, в Смольном, почти непрерывно заседал ЦК нашей партии, обсуждавший вопросы мира и войны.

Для еще более подробного разъяснения населению всех трудных обстоятельств переживаемого времени Совнарком 21 февраля принял обращение «К трудящемуся населению всей России».

Это воззвание, тотчас же опубликованное в газетах и расклеенное по всему городу, произвело огромное впечатление на народные массы.

Проникновенные слова этого воззвания, наполненные неприкрашенной правдой, раскрывали глаза всем, кто еще не представлял себе ту грозную опасность, которая нависла над молодой Советской республикой. Огромные толпы добровольцев продолжали осаждать Смольный, штаб Петроградского военно-революционного комитета. Все в едином мощном порыве хотели сейчас же, немедленно идти на фронт, грудью своей отстаивать наши рубежи. Создалось народное ополчение, которое встало на защиту Петрограда.

Широкие массы рабочих, всё трудящееся население поняло и одобрило решительное требование вождя Октябрьской революции: при попытке сопротивления объявленной всенародной мобилизации — стереть с лица земли врагов нашего социалистического отечества.

